

ТАКТИКА

**«СОЗДАНИЕ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. С учетом достижений когнитивистики и прагмалингвистики охарактеризованы речевые приемы коммуникативной тактики «Создание светлого будущего» на материале предвыборных выступлений немецких национал-социалистов до установления ими тоталитарного режима.

Ключевые слова: функциональная прагмалингвистика; коммуникативная тактика; модель мира.

Сведения об авторе: Лесняк Марина Валерьевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии, факультет филологии и журналистики.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, к. 1.
e-mail: mvlesnyak@sfedu.ru.

THE TACTICS

**OF “MAKING TOMORROW BETTER”
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. This article deals with the concept of communicative tactics considering the achievements of cognitive science and pragmalinguistics. It also singles out the stylistic devices of the communicative tactics of «making tomorrow better» based on election speeches of German national socialists before the establishment of totalitarian regime.

Key words: functional pragmalinguistics; communicative tactics; world model.

About the author: Lesnyak Marina Valerievna, Lecturer of the Chair of German and Romance Philology, Faculty of Philology and Journalism.

Place of employment: Southern Federal University.

Политическая коммуникация является сегодня одной из наиболее продуктивных областей исследования для лингвистов, поскольку именно здесь проявляется неизменная взаимосвязь политической идеологии и языка [Bachem 1979; Stadtfeld 2002; Straßner 1987]. Соответственно «именно в речи могут выражаться, хотя и не в обязательном порядке, не только определенные взгляды и мнения, но и конкретные установки на некоторые общественно-политические действия, как, например, избрать ту или иную партию или соответствующего политического деятеля на определенный пост» [Лесняк 2013: 52]. Политики зачастую формируют определенный взгляд на окружающую действительность, создавая при помощи языковых средств альтернативное видение мира или «возможный кажущийся мир» как вариант развития событий. Цель нашей статьи — рассмотреть характеристики тактики «создания светлого будущего» в рамках коммуникативной стратегии «Создание перспективы и ретроспективы». Интересным представляется проанализировать тактическую реализацию данной стратегии на материале публичных выступлений немецких национал-социалистов до установления ими тоталитарного режима. Обратимся к предпосылкам изучения коммуникативных тактик с позиций когнитивной лингвистики, в частности теории возможных миров, и функциональной прагмалингвистики.

Конструирование возможного мира в речи опирается на теорию возможных миров, осно-

воположниками которой считаются Г. Лейбниц, С. Крипке [Крипке 1982], Я. Хинтиikka [Хинтиikka 1980], разработавшие философские основы семантики возможных миров. В самом общем виде эта теория описывает миры, которые «трансформируют реальность и изображают некую альтернативную действительность» [Мисник 2006: 52]. Альтернативные миры делятся на миры вымышленные (к ним относятся возможные миры в художественной литературе) и миры кажущиеся, т. е. «дискурсивно конструируемые с помощью языковых средств» [Ватолина 2011: 4]. Нас интересует именно лингвистическое конструирование возможных миров, которое можно описать с опорой на референциальную лингвистику, основные теоретические положения которой обобщил и описал Х. Фатер в 2005 г. [Vater 2005]. Референциальная лингвистика исследует соотношение языковой [Парфенова 2012: 8] или текстовой единицы [Сулейманова 2012: 42] с объектом/предметом внеязыковой действительности, т. е. референцию. Понятие внеязыковой действительности является сегодня одним из центральных в лингвистических дискуссиях. Если ранее считалось, что языковое выражение соотносится с объектами реального мира, то позднее эту соотношение стали применять и к возможным, в том числе вымышленным, мирам. Это, например, «референция к героям сказок (дед мороз, снегурочка и т. д.), мифов (циклоп, гидра и т. д.)» [Vater 2001: 89],

фантастики (жители других планет, представители других цивилизаций).

Сегодня становится все более популярной мысль о том, что языковые выражения могут быть соотнесены с единицами «спроецированного» из нашего сознания мира [Апресян 1995: 630; Bierwisch 1983; Jackendoff 1983: 28; Падучева 2009: 638]. Такая проекция реальной действительности предполагает прежде всего репрезентацию субъективной оценки говорящего. При этом единицы ментальной репрезентации становятся «единицами проецируемого или кажущегося мира только тогда, когда они осознаваемы» [Jackendoff 1983: 42]. Это означает, что кажущийся мир не является спонтанно порожденным, он конструируется заранее в соответствии с представлениями или скрытыми прагматическими намерениями отправителя сообщения. Кажущийся мир сосуществует параллельно с миром действительным, «как бы заслоняя его» [Плотникова 2007: 297]. Следовательно, можно предположить, что отправитель сообщения целенаправленно формирует у адресата особый тип восприятия — «неспособность воспринять истинную референтную отнесенность» [Лесняк, Матвеева 2012: 106]. В связи с этим можно говорить о представлении адресантом грядущих событий как одной из возможностей будущей действительности в определенном фокусе. Как правило, в рамках политической деятельности, особенно при предвыборной борьбе, такой вариант будущего оценивается позитивно в случае выбора кандидата на желаемый пост. Другими словами, избирателям обещается «светлое будущее» во главе с тем или иным кандидатом и его партией.

Сказанное выше позволяет нам утверждать следующее: путем установления референциальных связей между сообщаемым и собственной осознаваемой проекцией действительного мира адресант создает для адресата определенную коммуникативную перспективу (альтернативный кажущийся мир), обращенную к будущему. Тем самым отправитель пытается оказать результативное речевое воздействие на посткоммуникативное поведение получателя текста, а именно вызвать желаемые последствия в реальности. Например, «такими последствиями могут быть согласие или несогласие адресатов с видением реальности адресанта» [Клюев 2002: 220]. В коммуникативной ситуации публичного выступления принятие или непринятие точки зрения говорящего выражается в осуществлении выбора в пользу соответствующей партии или политика.

Наиболее продуктивным для лингвистического анализа речевого воздействия в по-

литической коммуникации нам представляется стратегический подход. Коммуникативная стратегия является, пожалуй, одной из самых широко исследуемых категорий в науках лингвистического цикла (риторике, прагматике, психолингвистике, теории речевых актов и речевого воздействия, когнитивистике, текстуальной риторике и лингвистике). Многоплановая природа коммуникативной стратегии обуславливает разнообразные подходы к ее сегодняшней лингвистической трактовке. Исследования последних лет в заданном направлении привели к разработке двух- и трехуровневой иерархически организованной модели коммуникативной стратегии [Подр. см.: Becker, Boehme, Кнаре 2000: 163; Голоднов 2011: 170—171].

С учетом достижений современных лингвистических исследований сформулируем определение коммуникативной стратегии, релевантное для целей нашей работы: коммуникативная стратегия представляет собой трехмерную модель, включающую в себя этап абстрактного планирования на когнитивном уровне, этап воплощения этого плана путем осознаваемого *выбора* наиболее подходящих для реализации цели языковых средств и их комбинаций на уровне текстопорождения и этап фиксации результата осуществления плана на текстуальном уровне. Основной целью коммуникативной стратегии является «изменение в поведении и сознании слушателя» [Gülich 1976: 232], «моделирование действительности» [Седов 1997: 189] или «коррекция модели мира адресата» [Иссерс 2006: 109]. Иначе говоря, у реципиента должно произойти изменение существующего на момент произнесения речи представления о реальности (в прошлом, настоящем или будущем). Данное изменение происходит вследствие внедрения в сознание аудитории соответствующих концептуальных систем на высшем когнитивном уровне, а также вследствие *выбора* и транспортировки соответствующих референтов на уровне речевых действий. Презентация референта осуществляется через «область не общих, а частных интересов говорящего» [Клюев 2002: 218]. Такой интегративный подход при описании понятия коммуникативной стратегии находится на стыке когнитивистики и прагматологии. Он представляется особенно продуктивным и перспективным, поскольку «позволяет объединить в лингвистическом анализе концептуальный, процессуальный и результативный аспекты текстопорождения» [Кудачинова 2005: 27—28].

Предложенное выше определение коммуникативной стратегии актуализирует ее

прототипический характер. Прототипичность проявляется в том единодушии, в котором говорящие используют те или иные языковые способы для достижения стратегической цели [Braun 2007; Голоднов 2011; Демьянков 1976; Лакофф 2004]. Коммуникативная стратегия является неким образцом, который реализуется в разных коммуникативных ситуациях/текстах в разном объеме. Иными словами, в разных текстах политического дискурса могут реализоваться не все тактики или речевые приемы, релевантные для определенной коммуникативной стратегии. Они могут быть представлены в разной степени. К прототипическому подходу обращается все больше отечественных и зарубежных лингвистов.

В эталонном варианте коммуникативная стратегия включает в себя «набор конкретных коммуникативных тактик, реализуемых в различных ситуациях политической коммуникации» [Голоднов 2011: 168]. Коммуникативную тактику можно рассматривать двояко. С одной стороны, это «частная стратегия, с помощью которой оратор реагирует на преграды (сопротивление слушателя в той или иной форме), не предусмотренные глобальной целью и возникающие по ходу общения» [Ср.: Becker, Boehme, Knape 2008: 154]. В этом подходе выделяют также основную характеристику коммуникативной тактики — динамичность, обеспечивающую гибкость генеральной стратегии, т. е. спонтанное реагирование в изменяющихся условиях коммуникативной ситуации [Иссерс 2006: 110; Ленец, Матвеева, Петрова 2013: 83; Макаров 2003: 194; Борисова 1996: 75]. С другой стороны, коммуникативная тактика представляется в виде определенного типового «набора практических приемов речевого воздействия в конкретной ситуации общения» [Клюев 2002: 19; Самарина 2006: 63; Чуриков 2005: 36]. В обоих случаях отмечается соотносительность коммуникативной стратегии с целью коммуникации, а коммуникативной тактики — с коммуникативным намерением, или коммуникативной задачей.

Коммуникативная тактика может быть представлена на двух уровнях: «на уровне планирования она мыслится как инвариант, предстающий в виде комплекса конкретных приемов речевого воздействия на реципиента» [Голоднов 2011: 178]. На уровне речевых действий коммуникативная тактика предполагает *запланированный, не спонтанный выбор* определенных речевых действий в соответствии с коммуникативным намерением и тематическим содержанием, необходимыми для достижения стратегической цели. Выбор коммуникативной стратегии

и коммуникативных тактик осуществляется под воздействием нескольких факторов, к числу которых относят «цели, задачи, учет оратором ожиданий и социально-психологических характеристик слушателей» [Чуриков 2005: 36]. В конечном счете «умение пользоваться коммуникативными стратегиями и тактиками отражает прагматическую компетенцию коммуниканта и определяет успешность или неуспешность речевых действий» [Ленец, Матвеева, Петрова 2013: 83].

Моделирование альтернативной, или «кажущейся» действительности предполагает описание основных параметров создаваемого мира: «пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных» [Цивьян 2006: 5—6]. Для представления модели мира существует целая система бинарных оппозиций, имеющих два полюса: положительный и отрицательный. При этом набор архетипических оппозиций модели мира соответствует набор языковых (лексико-семантических, грамматических) категорий [Там же: 9].

В политической коммуникации самой распространенной бинарной оппозицией является диада «свой — чужой». Это способствует «эффективной мобилизации массового сознания» [Фирсов 1996: 67], а также «структурированию социума» [Иссерс 2006: 45]. Данная оппозиция представлена инвариантными имиджами „EIGEN“ (свое) и „FREMDE“ (чужое) и базируется на противопоставлении когнитивных категорий или концептов „свое“ и „чужое“ [Голоднов 2011: 277]. При этом «когнитивные категории „свой круг“ и „чужой круг“ относятся к базовым категориям в политическом дискурсе» [Китайгородская, Розанова 1995: 93].

В политическом дискурсе выделяют также ряд других антиномичных оппозиций или имиджей, например: «WERT» — «GEGENWERT» («ЦЕННОСТЬ» — «АНТИЦЕННОСТЬ»), «REALITÄT» — «IRREALITÄT» («РЕАЛЬНОЕ» — «НЕРЕАЛЬНОЕ»), «VERTRAUENSWÜRDIG» — «NICHT VERTRAUENSWÜRDIG» («ДОСТОЙНОЕ ДОВЕРИЯ» — «НЕДОСТОЙНОЕ ДОВЕРИЯ») [Голоднов 2011: 278]. Эту цепочку можно продолжить антиномией, выделенной на основании структуры времени моделируемой действительности: «СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ» — «ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ». Концепты «свое» и «чужое» являются родовыми по отношению к вышеперечисленным оппозициям, поскольку выстраивание конкретной стратегии на базе этих противопоставлений связано прежде всего с вовлечением в «свой круг» или с исключением из «своего круга» и отне-

сением к «кругу чужих». Так, светлое будущее в фокусе конкретного политика или политической партии возможно только путем присоединения к «своим».

В общем и целом «будущее может оцениваться как позитивно, так и негативно» [Паршина 2007: 104] (как «светлое будущее» или как «конец света», ожидающий тех, кто сделает неправильный выбор). В политической коммуникации широко распространена оппозиция «светлое будущее» / «темное прошлое». Соответствующая стратегия реализуется в двух тактиках: «Создание светлого будущего» и «Создание темного прошлого». Перейдем к описанию тактики «создания светлого будущего».

Эта тактика опирается на презентацию говорящим некой модели альтернативной действительности со знаком «плюс» при условии, что во главе будет стоять он или его партия. При этом предлагаемый вариант развития событий, который представляет собой субъективную проекцию сознания, подается, как правило, в качестве единственно возможного: «Такая апелляция к результату прогнозируемой действительности придает коммуникативной тактике аргументативную силу» [Там же: 104].

Концептуальная система «светлое будущее» внедряется в сознание реципиента с помощью выбора иллюзий одобрения будущих преобразований для реципиентов, а также себя и своей партии. Иными словами, будущее для аудитории будет качественно отличаться от настоящего и прошлого тем, что слушатели будут удовлетворены последствиями выбора в настоящем соответствующего политика или партии. Тем самым реализуется «акциональная, т. е. побуждающая к действию, функция политического дискурса» [Шейгал 2004: 35]. Интересно, что моделирование «светлого будущего» характерно для предвыборного выступления. Эффективность этой тактики определяется одним из основных мотивов человеческих поступков — «надеждой на изменения к лучшему» [Миронова 2003: 80].

На лексико-семантическом уровне речевые приемы реализации тактики «создания светлого будущего» состоят в том, что *выбираются* следующие единицы:

– лингвистические единицы, относящие действие к будущему, в сочетании с другими единицами, эксплицирующими положительную оценку прогнозируемого и субъекта политической коммуникации (политика, его партии): *liegt in uns, weil nur in uns allein liegen kann, und in unserer liegt, und in der liegt, und in dem allein kann liegen, und in der allein kann das tägliche seine Wurzel finden* (Hitler).

В этом случае будущее ассоциируется с традиционными ценностями, символизирующими безопасность и благополучие: *Kraft* (сила), *Macht* (власть), *Recht* (право), *Freiheit* (свобода), *Brot* (хлеб).

Nun alles Lände, ...den deutschen Menschen, nun, um was im letzten Jahrzehnt zäh und verbissen, unermüdlich und trotz aller Rückschläge und Enttäuschungen doch immer hoffnungsvoll: Brot und Arbeit für den deutsche Volksgenossen, Freiheit und Ehre für die Nation (Göring).

Из сказанного выше очевидно, что будущее, которое говорящий связывает с доверием (*Vertrauen*), надежностью (*Zuversicht*), является плодом деятельности политического лидера и его партии;

– лексические единицы с семантикой необходимости (*müssen, sollen, haben + zu + Infinitiv, lassen, brauchen, benötigen*):

Sie, weil hier die größte Opferwilligkeit ist, hier die größten Opfer gebracht werden und weil es hier nicht sich um Kampf für einzelne Klassen und Stände, sondern um den Kampf für handelt (Hitler).

В этом случае удачно, на наш взгляд, воплощается семантика единения (включение в круг «своих» осуществляется посредством комбинации с тактикой «солидаризации») [Подр. см.: Самарина 2006: 67—73].

Ich bitte Sie daher wie auch bei keiner Wahlrede, dass Sie uns Ihre Stimmen (Hitler);

– лексические единицы с семантикой требования (*fordern, verlangen*):

Der Tag, der über das deutsche Schicksal für eine deutsche Zukunft entscheidet, auch von Ihnen, nicht kalt und nicht lau sein, sondern warm (Hitler; речь произносилась 15 июля, а день выборов, о котором говорится, назначен на 31 июля 1932 г.);

– лексические единицы с семантикой намерения (*wollen, vorhaben, die Absicht haben*):

Wir, dass die deutsche Nation der Proletarier der Welt ist, — darum sind wir Nationalsozialisten (Göbbels);

– лексические единицы в переносном значении — метафоры. Метафора как когнитивная категория играет важную роль в моделировании альтернативной действительности, что нашло отражение во многочисленных исследованиях, посвященных разработке теории метафор в политической коммуникации [Баранов, Караулов 1991: 14—17; Кузьмина 1998: 51—60; Лакофф, Джонсон 1987: 126—172; Теория метафоры 1990; Чудинов 2000: 158—161]. Политическая метафора важна для нас не только как эффективное образное средство, формирующее положительное или отрицательное отношение к предмету обсуждаемого, но и как сред-

ство создания ирреального мира, которое позволяет реконструировать выбранную говорящим концептуальную систему, в нашем случае — «светлое будущее». Обратимся к метафоре, направленной на создание позитивного восприятия будущего и связанной с символикой света (*lichteres Morgen, Licht, Sonne*):

Dann werden wir euch zurückholen (Göring).

Wir lebten seit 1918 in unerfüllbaren Wunschgebilden und ließen uns allzu gern und bereitwillig von den Heutigen von einer Enttäuschung in die andere führen, immer in der eitlen Hoffnung, es werde folgen (Göbbels).

Последний пример ярко иллюстрирует противопоставление будущего, ассоциируемого со светлым временем суток, и настоящего, погруженного «во тьму», так как оратор и его соратники не имеют власти, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

К этой же группе можно отнести метафоры, связанные с болезнью/выздоровлением:

Wir glauben, dass die Wahl am 31. Juli eine Entscheidung bringen soll, ja bringen muss und, so Gott will, auch bringen wird, wer nun in Deutschland endgültig das Leben bestimmt, der Geist des internationalen Pazifismus, der demokratischen Zersplitterung, der Unterwürdigkeit oder der Geist einer nationalen, nationaler Ehre und eines wirklich brüderlichen Zusammenlebens unseres Volkes... (Hitler)

В этом случае говорящий подчеркивает важность выбора избирателей, трактуя последствия выбора в пользу своей партии как «выздоровление» и одновременно подразумевая, что неудовлетворительное настоящее связано с «болезнью»;

– лексические единицы с семантикой обещания. Их можно условно разделить на две группы: лексемы, репрезентирующие смысл заботы о гражданах в будущем, например заботы о здоровье, благополучии, и лексемы, связанные с порядком и законом (*Recht, Ruhe, Freiheit, Ordnung, hüten*), а также лексемы, связанные с ценностями (*Würde, Ehre, Vertrauen, Zuversicht*):

Ich lasse aber keine Zweifel, dass ich ebenso wenig des deutschen Volkes antasten lasse, auch die Ehre der Geschichte des deutschen Volkes wird finden (Göring).

На **семантико-синтаксическом уровне** можно выделить следующие речевые приемы реализации тактики «создания светлого будущего»:

– сложноподчиненные сравнительные предложения, вводимые союзом *wie*:

So, wir aus einer kleinen Sekte von sieben unbekanntem Männern herausgewachsen sind zur Millionenbewegung, werden wir — ich lege meine Hand dafür ins Feuer — von dieser

Fünfzehn — Millionen — Bewegung herausgewachsen zu einem 65-Millionen-Volk (Göbbels).

Говорящий показывает положительную динамику развития своей партии и указывает на перспективу этого политического движения в будущем, положительно оценивая его. Перлокутивный эффект усиливается включением аудитории в концептуальную систему «круг своих»;

– вводные конструкции с семантикой одобрения действий высшими силами. Таким способом постулируется неотвратимость будущего прихода политика/партии к власти. Прослеживается «взаимосвязь политического дискурса с религиозным, поскольку божественное одобрение традиционно ассоциируется с обещанием лучшего будущего в раю для тех, кто разделяет соответствующее вероучение, а те, кто его не разделяет, будут подвергнуты наказанию» [Голоднов 2011: 259]: *...wenn ihr uns euer Vertrauen schenkt* (Hitler);

– лозунги, в основе которых лежит акт призыва: *Sie einmal nicht als Bürger, nicht als Bauer, nicht als Arbeiter, nicht als Angestellter und Beamter, nicht als Katholik und nicht als Protestant, einmal als Deutscher und, was Sie zu tun haben* (Hitler);

– декларативные лозунги, в основе которых лежат ассертивные и экспрессивные речевые акты: *Es gibt nun kein Zurück mehr, nur noch ein Vorwärts!* (Göbbels).

Примечательно, что при анализе речевых приемов тактики «создания светлого будущего» не было обнаружено маркеров сомнения, например вводных слов «возможно», «предположим», что позволяет говорить о нацеленности ораторов на репрезентацию ими будущих событий как единственной возможной будущей ситуации, т. е. как еще не реализованной, но детерминированной настоящим.

Подводя итоги, скажем, что тактика «Создание светлого будущего», являющаяся частью коммуникативной стратегии «Создание перспективы и ретроспективы», активно реализуется в текстах публичных выступлений национал-социалистических политиков Германии. Как и коммуникативная стратегия, данная тактика имеет иерархичную структуру, воплощается на двух уровнях: концептуально-тематическом, или уровне планирования, и уровне речевых действий. Коммуникативная тактика «Создание светлого будущего» носит комбинаторный характер, т. е. обнаруживается в текстах в сочетании с тактиками коммуникативной стратегии «Создание круга своих». Эта сочетаемость наблюдается не только на уровне речевых действий, но и на высшем, когнитивном уровне, поскольку

концептуальная система «светлое будущее» находится на пересечении с концептуальной системой «круг своих». Анализ речевых приемов тактики «создания светлого будущего» показал, что политики моделируют альтернативную реальность как единственно возможный для реципиентов вариант развития событий в будущем, о чем свидетельствует отсутствие рефлексивов сомнения. Как следствие, моделируемая картина будущего полностью вытесняет реалии, актуальные в момент произнесения речи. Таким образом осуществляется активное намеренное внедрение концептуальных систем в сознание слушающих, в результате чего адресат меняет свое посткоммуникативное поведение в русле, необходимом адресанту. Для дальнейшего развития этой мысли был бы интересен сопоставительный анализ речевой деятельности немецких национал-социалистов и представителей других политических групп Германии того же периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. — М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
3. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21—48.
4. Ватолина Т. Г. Когнитивная модель детективного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Иркутск, 2011.
5. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. — СПб., 2011.
6. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Прототипический подход: краткий слов. когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 140—145. URL: <http://www.infolex.ru> (дата обращения: 14.07.2013).
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: URSS, 2006.
8. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое» «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. № 1. С. 93—116.
9. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. — М.: Рипол Классик, 2002.
10. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Радуга, 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика. С. 340—376.
11. Кудачинова Ч. В. Коммуникативная стратегия дистанцирования в авторском построении текста: на материале романа К. Манна «Мефистофель. История одной карьеры»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2005.
12. Кузьмина Н. А. Концептуальные метафоры в риторическом поле языка // Фатическое поле языка. — Пермь, 1998. С. 51—60.
13. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 126—172.
14. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
15. Ленец А. В., Матвеева Г. Г., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. — М.: Флинта: Наука, 2013.
16. Лесняк М. В. Перспективы исследования «языка национал-социалистов» или прагмалингвистический подход к изучению речевого поведения национал-социалистических политиков // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 2. С. 49—55.
17. Лесняк М. В., Матвеева Г. Г. Возможный мир тоталитарного дискурса // Личность, речь и юридическая практика: сб. науч. тр. междунар. науч.-метод. конф. 2012. Вып. 15. С. 105—108.
18. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.
19. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М.: Флинта: Наука, 2003.
20. Матвеева Т. В. Сто лет не видались, или Разговорный максимализм // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. — Екатеринбург, 1997. С. 200—206.
21. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Омск, 2003.
22. Мисник М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Иркутск, 2006.
23. Падучева Е. В. Статьи разных лет. — М.: Языки славянских культур, 2009.
24. Парфенова В. Н. Референциальные отношения в рамках лингвистики текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2012.
25. Паришина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
26. Плотникова С. Н. Восприятие как когнитивный показатель наличия мира: мир реальный и мир кажущийся // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы 12 Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 13—15 июня 2007 г.). — Иркутск, 2007. Ч. 1. С. 292—298.
27. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Ростов н/Д, 2006.
28. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «Ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. — Саратов, 1997. С. 188—194.

29. Семенова Т. И. Модус кажимости: между истиной и ложью. URL: www.islu.ru/.../semenova/modus_kazhimosti_mezhdu_istinoj_i_lozh (дата обращения: 02.01.2012).
30. Сулейманова Е. А. О референциальных аспектах задачи извлечения фактов // Программные системы: теория и приложения. 2012. № 3(12). С. 41—56.
31. Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990.
32. Фирсов Н. Н. Современные политические партии и архетипы коллективного бессознательного // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. — М. : РГГУ, 1996. С. 66—68.
33. Хинтиikka Я. Логика в философии — философия логики // Логико-эпистемологические исследования : сб. избр. статей. — М. : Прогресс, 1980. С. 36—37.
34. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 3-е, испр. — М. : Ком Книга, 2006.
35. Чудинов А. П. Метафорическая модель «Россия — криминальная страна» в современном политическом дискурсе // Язык. Человек. Картина мира. — Омск, 2000. С. 158—161.
36. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.14. — Ростов н/Д, 2005.
37. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
38. Шкондин М. В. Редакционная сфера и современные коммуникативные стратегии // Вестн. МГУ. Сер. 10 : Журналистика. 2005. № 1. С. 9—17.
39. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. — München : Oldenbourg, 1979.
40. Becker N., Boehme K., Knape J. Strategie // Rhetorik und Stilistik : ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung / Fix U., Gardt A., Knape J. / N. Y. ; Berlin : De Gruyter, 2008. 1 Halbband. S. 152—172.
41. Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // Untersuchungen zur Semantik / Hgg. Von Rudolf Ruzicka und Wolfgang Motsch. — Berlin : Akademie-Verlag, 1983. S. 61—100.
42. Braun C. A. Nationalsozialistischer Sprachstil. — Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2007.
43. Gülich E. Ansätze zu einer kommunikationsorientierten Erzähltextanalyse // Erzählforschung 1 = Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. — Göttingen, 1976. S.224—256.
44. Jackendoff R. S. Semantics and cognition. — Cambridge, Massachusetts ; L., England : The MIT Press, 1983.
45. Rehbein J. Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. — Stuttgart : Metzler, 1977.
46. Stadtfeld F. Persuasionsstrategien in politisch engagierten Texten. Positionen französischer Autoren zum Algerienkrieg 1954—1962. — 2002.
47. Straßner E. Ideologie-Sprache-Politik. — Tübingen : Max Niemeyer Verl., 1987.
48. Vater H. Referenz-Linguistik. — München : Fink, 2005.
49. Vater H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Verstehen von Texten. 3 Aufl. — München : Fink, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. Г. Матвеева